

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ОРГАНОВ ВЛАСТИ РЕСПУБЛИК СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В 2000-Х ГГ.

Д. С. Кокорхоева¹

В статье выявлена институциональная трансформация органов власти республик Северного Кавказа в условиях реформ российского федерализма 1999-2010 гг. Установлены противоречия между формальными и неформальными институтами власти в регионе. Используется метод сравнительного анализа, неинституциональный подход.

Ключевые слова: институциональная трансформация, органы власти, республики Северного Кавказа в 2000-х гг., российский федерализм.

In article institutional transformation of power organs of North Caucasus republics in the conditions of reforms of the Russian federalism (1999–2010) is revealed. Contradictions between formal and informal institutes of the power in this region are established. The method of the comparative analysis and the neoinstitutional approach are used.

Key words: institutional transformation, power organs, North Caucasus republics in 2000-s, Russian federalism.

Актуальность темы состоит в выявлении политических аспектов институциональной трансформации власти на материалах полиэтничных республик Северного Кавказа, где неформальные практики и нормы культуры во многом определяют содержание официальных властных структур.

В политической науке институты понимаются в качестве устойчивых общественных практик или моделей (образцов) социального взаимодействия, поведения субъектов политики [39, с. 32]. Ядро политических институтов составляют нормы и правила политического действия [44, р. 3-16]. Чем выше степень повторяемости, регулярность, тем больше оснований говорить об устойчивости политических институтов. Политическая институционализация рассматривается как «процесс, посредством которого организации и процедуры приобретают ценность и устойчивость» (по С. Хантингтону) [39, с. 32, 34-37].

¹ Кокорхоева Дугурхан Султангиреевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Ингушского государственного университета. Эл. почта: dugurhan@mail.ru

Цель статьи — выявить политический аспект институциональной трансформации органов власти в республиках Северного Кавказа вследствие реформ федерализма 1999-2010 гг.

Проблема является предметом научной дискуссии. Концепции институционализации федерализма в России противоречивы. Сложилась традиция поддержки асимметричной этнической федерации (Р. Г. Абдулатипов [1], Р. Я. Евзеров [8]) и, напротив, симметричной территориальной модели (С. С. Митрохин [21], Н. М. Добрынин [5], В. Р. Филиппов [38]). Обосновывали договорной тип федерации А. Ф. Болтенкова [2], В. Н. Лысенко [19], М. В. Столяров [36]. Модель конституционной федерации аргументируют А. В. Зиновьев [9], Н. М. Добрынин [5], И. А. Конюхова [18]. Высказываются противоречивые мнения о реформах 2000-х гг.: от радикальной поддержки (В. Н. Иванов [11]) и даже проектов унитаризации (А. Б. Зубов [10]) до резкой критики рецентрализации (Н. В. Петров [37], А. Н. Медушевский [20]). Этнонациональные проблемы федерализма оценивает Л. М. Дробижева [7]. К числу достижений она относит отделение этничности от государственного строительства. Гарантией стабильности в полиэтничных регионах назван равный доступ к власти этнических групп [9].

Реформы российского федерализма 2000-х гг. стали объектом внимания зарубежных авторов. Так, в Великобритании опубликованы сборники статей под редакцией К. Росса [41, 42], посвященные политическим реформам в российских регионах 2000-х гг. Важна монография Дж. Кана [40]. Финский политолог П. Содерлаунд, исследуя динамику российского федерализма, выявил потенциал глав исполнительной власти регионов быть «вето-игроками» по отношению к центру (т. е. самостоятельными политическими субъектами, способными блокировать решения федеральной власти) [43].

Кратко охарактеризуем институциональное состояние органов власти республик в 1990-х гг. В условиях «перестройки» институциональная и идеологическая неопределенность стимулировала децентрализацию власти. Декларация о государственном суверенитете РСФСР 1990 г. инициировала принятие аналогичных документов в автономных республиках и областях. Декларации о государственном суверенитете республик, в свою очередь, вызвали институциональную неопределенность, поиск модели центр-региональных отношений. Широкий объем полномочий региональной власти закреплен в Федеративном договоре, подписанном РФ с субъектами Федерации 31 марта 1992 г., а также в договорах о разграничении полномочий и предметов ведения. Конституции республик (1991-1995 гг.) закрепили положения о государственном суверенитете республики в составе РФ, о договорном характере взаимоотношений с федеральным центром [13].

Таким образом, институционализация органов власти в республиках Северного Кавказа 1990-х гг. оказала центробежное влияние на политиче-

ский процесс. Система органов власти республик сформировалась под влиянием децентрализованного, этнического, договорного федерализма 1990-х гг. Асимметричная договорная модель Федерации в 1990-х гг. поощряла этнополитическую мобилизацию, вызывая популярность идей суверенитета и этнопреференциального строения органов власти. Региональная элита в 1990-х гг. автономно определяла порядок формирования органов государственной власти, нормы и процедуры политического представительства. Но вследствие дефицита ресурсов доминирующие акторы политики (региональные элиты) избрали компромиссный путь отстаивания интересов по отношению к Федерации.

Качественные изменения системы центр-региональных отношений в русле рецентрализации власти начинаются осенью 1999 г. и идут по настоящее время. Согласно Федеральному закону «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти РФ» от 6 октября 1999 г. воссоздано единство структуры органов власти федерального и регионального уровней [27]. Указ Президента Российской Федерации В. В. Путина от 13 мая 2000 г. о создании федеральных округов обеспечил воссоздание единства исполнительной власти по вертикали [24].

Президенты республик и спикеры законодательных собраний регионов лишились статуса членов Совета Федерации РФ, что способствует более последовательной реализации принципа разделения властей. Вместе с тем региональные органы власти получили право контроля над органами местного самоуправления, что способствует консолидации элит и ресурсов их влияния.

Важным институтом рецентрализации власти стал Конституционный Суд Российской Федерации. Летом 2000 г. КС РФ отменил ряд положений Конституции Республики Адыгея в части, закрепляющей суверенитет республик РФ, паритетное этническое формирование органов власти, договоры о разграничении полномочий и предметов ведения с РФ, государственное двуязычие [15, с. 17-18]. По толкованию Конституционного Суда РФ, на всей территории государства суверенитет принадлежит только многонациональному народу Российской Федерации, а не отдельным этническим группам. Применение термина «государство» к республикам не отражает признание государственного суверенитета этих субъектов РФ, а фиксирует особенности их конституционно-правового статуса [15, с. 21-23]. Согласно Постановлению Конституционного Суда РФ от 7 июня 2000 г. власть субъектов РФ не суверенна, а является частью единой системы государственной власти РФ.

Изменен механизм избрания законодательных органов власти субъектов Федерации, в том числе республик. 12 июня 2002 г. издан Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» [29]. Субъекты Федерации до июля 2003 г. ввели в своем законодательстве нормы, обеспечивающие распределение

не менее 50% депутатских мандатов между кандидатами, выдвинутыми избирательными объединениями и блоками.

Новая система центр-региональных отношений приобрела завершенность в декабре 2004 г. с принятием федеральных актов о косвенных выборах высших должностных лиц в субъектах РФ [25]. Тем самым статусы президентов республик в составе России, глав администраций краев и областей признаны равными. Введена процедура отзыва высшего должностного лица субъекта РФ в случае нарушения им законодательства, неоднократного невыполнения своих должностных обязанностей [25]. Позитивный момент в отмене выборов глав исполнительной власти республик — назначение высших должностных лиц в регионах — мог стать эффективным инструментом в борьбе с клиентелизмом, коррупцией и криминализацией власти. Низкий уровень соревновательности, который наблюдался на выборах в северокавказских республиках в 1990 — начале 2000-х гг., не соответствовал демократии — некоторые главы республик, возглавлявшие их с советских времен, избирались по три и четыре срока подряд (В. Коков, М. Магомедов).

Одновременно с укреплением вертикали власти менялись взгляды представителей политической элиты Северного Кавказа как на политический статус республик, так и на распределение полномочий с федеральным центром. Например, Президент Северной Осетии А. Дзасохов на одной из пресс-конференций указал на нецелесообразность существования института президентства в республиках, подчеркнув, что титул «президент» может носить только глава государства, а руководители республик, входящих в состав Российской Федерации, должны именоваться по-другому [4]. Осенью 2010 г. аналогичную точку зрения высказал Президент Чеченской Республики Р. А. Кадыров. Его инициатива получила поддержку руководителей большинства республик и привела к принятию 29 декабря 2010 г. Федерального закона о переименовании высших должностных лиц республик. Принято стандартное название «глава республики».

Изменен и механизм формирования представительных органов власти республик. 11 июля 2001 г. принят Закон «О политических партиях». Партии стали единственным видом общественных объединений, обладающим правом выдвигать кандидатов на выборах, что исключало этнические и религиозные организации из политического процесса [23]. Состав республиканских парламентов свидетельствует о том, что в 1990-е гг. роль политических партий в них была слабо выражена. Поэтому распределение 50% депутатских мандатов среди партий не смогло в корне изменить традиционные практики распределения власти.

Республика Дагестан до 2003 г. была единственным субъектом в составе РФ, где согласно республиканской конституции глава не избирался в ходе прямых всенародных выборов. Председателя и членов Госсовета выбирало

Конституционное собрание, наполовину состоящее из депутатов парламента, а наполовину из «выборщиков», посланных собраниями представителей от каждого избирательного округа. Уникальной была и система выборов в Народное Собрание Республики Дагестан. Для соблюдения этнического квотирования действовала система голосования по многомандатным округам.

Переход к новой системе выборов в законодательные органы субъектов РФ привел к тому, что 10 июля 2003 г. Конституционное собрание Дагестана изменило конституцию республики. Упразднен Государственный Совет и введен пост Президента. Изменен порядок формирования Народного Собрания: из 72 депутатов — 36 от территориальных округов и 36 по партийным спискам. То есть в новой конституции устранены отличия структуры исполнительных и законодательных органов власти Дагестана от других субъектов РФ [14].

Председатель Госсовета Дагестана М. Магомедов во время выступления на Конституционном собрании республики отметил следующее: «Мы... пришли к твердому убеждению, что просить о каких-то исключениях из общих правил для Дагестана на нынешнем этапе нет необходимости... *сохранять и далее положение, выделяющее Дагестан среди других субъектов Российской Федерации, было бы политически некорректным*, не соответствовало бы, в некотором смысле, твердой воле дагестанцев жить и развиваться по единым для всех россиян законам» [6, с. 1, 3].

В развитии федеративных отношений важным шагом стала нормализация обстановки в Чечне и создание институциональных основ органов власти Чеченской Республики как субъекта Российской Федерации. В июне 2000 г. Указом Президента РФ сформирована временная система органов исполнительной власти в Чеченской Республике, в нее вошли временная администрация и территориальные подразделения федеральных органов власти [28, ст. 2545]. Главой временной администрации был назначен бывший муфтий Чечни А. Кадыров, вокруг которого сгруппировались противники сепаратизма. Важным политическим решением стало подписание 19 января 2001 г. Президентом РФ Указа № 52 «О системе органов исполнительной власти Чеченской Республики». В соответствии с ним временная администрация получила статус постоянной, в Чечне сформировано правительство [26, ст. 278].

Новое руководство Чечни выражало лояльность федеральному центру. Глава администрации Чеченской Республики А. Кадыров в марте 2003 г. заявил, что республика будет стремиться к получению широких экономических льгот, а не к политической независимости. «Мы научены опытом и знаем, к чему приводят разговоры о политическом статусе... Получение широчайшей экономической автономии позволит в кратчайшие сроки восстановить разрушенную войной республику»; «все готовящиеся экономические предложения не будут выходить за рамки конституционного поля России» [12, с. 1].

23 марта 2003 г. в Чечне был проведен референдум по принятию новой конституции республики. Явка на референдум составила 85%; 96% проголосовавших высказались за принятие конституции. 94,9 и 95,8% участников голосования поддержали законы о выборах президента и парламента [33]. Принятие Конституции Чеченской Республики, провозглашающей Чечню частью России, стало успехом на пути достижения стабильности в республике.

Вместе с тем текст новой Конституции Чеченской Республики, принятой 23 марта 2003 г., не во всем соответствует Конституции Российской Федерации. Так, в ч. 1 ст. 1 вводится понятие суверенитета, который определяется как «неотъемлемое качественное состояние республики» [17]. Речь в Конституции Чеченской Республики идет об *ограниченном суверенитете*, который «выражается в обладании всей полнотой власти (законодательной, исполнительной и судебной) вне пределов ведения Российской Федерации» (ст. 1) [17]. На наш взгляд, рассуждения об ограниченном суверенитете республик не имеют смысла, поскольку суверенитет по определению не может быть ограниченным. Вызывает сомнения и правомочность положения ст. 61 Конституции, согласно которой в ведение Чеченской Республики включено «установление республиканских налогов и сборов» [17], так как в силу ст. 72 Конституции Российской Федерации установление принципов налогообложения и сборов в РФ относится к предметам совместного ведения [16]. В целом текст Конституции Чеченской Республики характеризуется стремлением соблюсти соответствие федеральной Конституции, однако коллизии могут создать основу для возникновения противоречий.

На изменении позиций и взглядов региональных элит сказалось обновление их состава. Постепенно на смену тех, кто возглавлял республики в период «парада суверенитетов», пришли лояльные центру политики. Основная волна обновления состава президентов республик Северного Кавказа приходится на 2004-2009 гг. Чаше всего смена власти носила компромиссный характер и выражала договоренности между федеральной и республиканскими элитами. Так, А. Каноков стал президентом Кабардино-Балкарской Республики в 2005 г. вследствие тяжелой болезни В.М. Кокова. М. Алиев, а позже М. Магомедов получили пост президента Республики Дагестан по причине пожилого возраста предшественников, причем соблюдался принцип этнического баланса власти. В Чеченской Республике смена президента вызвана смертью А. Кадырова от рук террористов (2004 г.) и последующим соперничеством территориальных кланов. В Республике Адыгея федеральная власть предпочла дожидаться истечения срока полномочий Х.М. Совмена (2007 г.), несмотря на острый конфликт главы республики с представительным органом и полпредством Президента РФ по Южному федеральному округу. Лишь в двух случаях новые президенты (Ю.-Б. Евкуров в Ингушетии и Т. Мамсуров в Северной Осетии)

пришли к власти вследствие массовых кампаний народного недовольства предшественниками.

Одной из важных функций законодательного собрания в республиках стала роль институционального канала прохождения в исполнительную власть и органы местного самоуправления, причем, учитывая традиции доминирования директората и госслужащих — канала достаточно узкого. На наш взгляд, ослабленная ротация депутатского корпуса и возможности перемещений парламентариев внутри системы государственного управления могут иметь как позитивные, так и негативные последствия. С одной стороны, эти процессы могут привести к замыканию народных представителей на своих узкогрупповых и карьерных интересах, что отрицательно влияет на эффективность законодательной власти. С другой стороны, они способствуют появлению в составе региональных парламентов опытных профессионалов и стабилизации политической ситуации. Какая из этих тенденций будет преобладать, судить трудно. На республиканских выборах лидирует партия власти «Единая Россия». При этом новое правило, требующее расширения партийного участия в организации представительных органов власти на региональном уровне, сочетается с неформальными внутриэлитными процедурами распределения депутатских мест между бизнесом и госслужбой.

Обозначившаяся тенденция подтвердилась на региональных выборах. 27 ноября 2005 г. состоялись выборы в Парламент Чеченской Республики. «Единая Россия» получила 16 мест, КПРФ и СПС — по 2. [34]. 12 марта 2006 г. состоялись выборы в Государственный Совет — Хасэ Республики Адыгея. Голоса избирателей распределились между четырьмя партиями: «Единой Россией» — 34%, КПРФ — 15%, «Российской объединенной промышленной партией» — 13% и «Аграрной партией России» — 11%. Эти выборы продемонстрировали самый большой уровень соревновательности в республиках в период действия новой избирательной системы (оппоненты *власти* набрали около 55% голосов) при очень низкой явке избирателей (46,42%). Это не характерно для северокавказских республик. «Единая Россия» получила менее 35% голосов избирателей, а партии, не прошедшие 5-процентный барьер, в сумме набрали более 16% голосов [31].

Одним из ключевых вопросов при формировании органов государственной власти в Адыгее остается проблема этнического паритета и пропорционального представительства русского и адыгейского населения. Такой паритет сохраняется в законодательном органе. Из 54 депутатов Госсовета — Хасэ 24 русских (44%), 27 адыгов (50%), 2 украинца (4%) и 1 армянин [31].

Изменение федерального законодательства потребовало от руководства Республики Дагестан пересмотра Основного закона. 10 июля 2003 г. принята новая Конституция РД, в соответствии с которой однопалатный парламент республики должен состоять из 72 депутатов: 36 избираются

от территориальных округов, 36 — по партийным спискам. Расширение партийного участия и отмена выборов по многомандатной системе, требование федерального законодательства, запрещающее формировать партии по профессиональному или национальному признаку, поставили вопрос: как быть с устоявшейся практикой формирования властных структур по принципу этнических квот? В 1990-е гг. из 121 территориального округа Республики Дагестан 66 со смешанным составом населения были национально идентифицированы, а в 55 округах, где проживало моноэтническое население, ограничений для выдвижения кандидатами в депутаты не было. В многонациональных округах определено 12 аварских округов, 12 кумыкских, 10 русских, 7 даргинских, 5 табасаранских, 5 азербайджанских, 4 лезгинских, 4 чеченских, 3 лакских, 2 татских, 1 цахурский. Еще один округ предназначался для выдвижения представителя любой национальности [30].

Дагестан как субъект Российской Федерации не может выходить за рамки правового поля, установленного федеральным законодательством. Кроме того, парламент, сформированный по национальному признаку, а не по партийной принадлежности, препятствует демократизации. Но сложившийся обычай не удастся быстро переломить. Население Дагестана привыкло голосовать за персоны, а не за партии, поэтому устоявшиеся неформальные правила приходится встраивать в новые институты. Такое заключение напрашивается на основе анализа выборов в Дагестане, состоявшихся 11 марта 2007 г. Для прохождения партии в парламент установлен 7-процентный барьер, а из бюллетеней исключена графа «Против всех». Народное Собрание Республики Дагестан сформировали пять партий: у «Единой России» 47 мест, у «Справедливой России» 8 мест, у «Аграрной партии России» 7 мест, у КПРФ и партии «Патриоты России» по 5 мест. В Хунзахском районе, откуда родом тогдашний президент Дагестана М. Алиев, за партию «Единая Россия» проголосовали более 99% избирателей [22].

В Народном Собрании представлены все 14 многочисленных народов Дагестана, которые прежде по закону были представлены в Госсовете республики. Несмотря на отмену многомандатных округов, паритет основных этнических групп претерпел незначительные изменения. Отмечено снижение доли русских (с 8 до 5%). Изменения доли народов можно объяснить снижением количества депутатов (со 121 до 72 чел.) и необходимостью нахождения в парламенте хотя бы по одному представителю ногайцев, азербайджанцев, рутульцев, агулов, цахуров, татов. Вместе с тем система этнического квотирования сохранена. 51,3% — депутаты, переизбранные с прошлого созыва, из них 43,2% директоров предприятий [22].

Итак, анализ институциональной трансформации органов власти республик Северного Кавказа в 2000-х гг. позволяет сделать следующие выводы. Был введен институт полномочного представителя Президента РФ в Южном феде-

ральном округе, который фактически координирует действия органов власти республик. Высшие должностные лица республик и председатели их представительных органов с 2001 г. не могли входить в Совет Федерации, были отстранены от прямого участия в законотворчестве. Поправки, внесенные в Закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации», установили новые «правила игры» для региональной власти, сделав практически невозможным возврат к договорной модели отношений. Была предусмотрена ответственность руководителей республик за неисполнение федеральных законов, возможность их отрешения от должности Президентом РФ или отзыва голосованием граждан республики. Наконец, в декабре 2004 г. отменены прямые выборы высших должностных лиц всех субъектов РФ, в том числе национальных. Принципы формирования органов государственного управления республик теперь определяются только федеральной Конституцией и федеральными законами, которые закрепили новую институциональную среду и стали универсальными для всех территориальных и национальных субъектов РФ. Важным процедурным фактором стало то, что в ходе федеративной и избирательной реформ произошло смещение позиций региональных элит Северного Кавказа в сторону лояльности федеральному центру. Республиканские органы власти ревизовали конституции и законы своих субъектов федерации и привели их в соответствие с федеральной Конституцией и законами.

Библиографический список

1. Абдулатипов Р.Г. Федералогия. СПб.: Питер, 2004.
2. Болтенкова Л.Г. Развитие федерализма в России: вопросы теории, истории и социально-политической практики. М.: Изд-во РАГС, 2004.
3. Гельман В.Я. Возвращение Левиафана? (Политика рецентрализации в современной России) // Политические исследования. 2006. № 2.
4. Дзасохов А. Пресс-конференция ИТАР-ТАСС. 22 октября 2002 г. URL: <http://www.presidentosetia.ru>
5. Добрынин Н.М. Новый федерализм: Модель будущего государственного устройства Российской Федерации. Новосибирск: Наука, 2003.
6. Доклад Председателя Конституционной комиссии, Председателя Государственного Совета Республики Дагестан М.М. Магомедова на Конституционном собрании РД 10 июля 2003 г. // Дагестанская правда (Махачкала). 2003. 10 июля (№ 146).
7. Дробижина Л.М. Завоевания демократии и этнонациональные проблемы России (что может и чего не может дать демократизация) // Общественные науки и современность. 2005. № 2.
8. Евзеров Р.Я. О соучастии политологов в решении проблем федерализма в современной России // Проблемы федерализма: российский и мировой опыт. М.: Институт сравнительной политологии РАН, 2003.

9. Зиновьев А. В. Концепция радикальной реформы федеративного устройства России // Известия вузов. Правоведение. 2002. № 6.
10. Зубов А. Б. Унитаризм или федерализм // Полис. 2000. № 5.
11. Иванов В. Путин и регионы: централизация России. М.: Европа, 2006.
12. Кадыров А. Сегодня для нас важнее экономическая свобода (интервью записал К. Исламов) // Грозненский рабочий. 2003. 18 марта (№ 2).
13. Конституции республик в составе РФ (сборник документов). М.: Манускрипт, 1995.
14. Конституция Республики Дагестан. Махачкала: Изд-во Народного Собрания Республики Дагестан, 2003.
15. Конституция Российской Федерации в решениях Конституционного Суда России / рук. Л. В. Лазарев, Т. Г. Морщакова, Б. А. Страшун и др. М.: Институт права и публичной политики, 2005.
16. Конституция Российской Федерации. М., 2008.
17. Конституция Чеченской Республики: принята 23.03.2003. URL: <http://www.chechnya.gov.ru>
18. Конюхова И. А. Структура РФ: современное состояние и перспективы совершенствования // Государство и право. 2007. № 2.
19. Лысенко В. Н. Современные тенденции и перспективы федеративных отношений в России // Политическая регионалистика: теория и практика. М.: Изд-во Российского университета дружбы народов, 2003.
20. Медушевский А. Н. Сравнительное конституционное право и политические институты. М.: Изд-во ГУ — ВШЭ, 2002.
21. Митрохин С. С. Предпосылки и основные этапы децентрализации государственной власти в России // Центр-регионы — местное самоуправление. М.; СПб.: Летний сад, 2001.
22. Мусаев М. Три семерки карандашом или Правильные итоги выборов в Дагестане // Северный Кавказ (Нальчик). 2007. 27 марта (№ 12).
23. О политических партиях: Федеральный закон РФ от 11.07.2001 № 95. М.: Изд-во Федерального Собрания РФ, 2001.
24. О полномочных представителях Президента Российской Федерации в федеральном округе: Указ Президента РФ от 13.05.2000. № 849 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2000. № 20.
25. О порядке рассмотрения кандидатур на должность высшего должностного лица (руководителя высшего исполнительного органа государственной власти) субъекта Российской Федерации: Указ Президента РФ от 27.12.2004 № 1603. URL: <http://www.kremlin.ru>
26. О системе органов исполнительной власти Чеченской Республики: Указ Президента РФ от 19.01.2001 № 52 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 4.
27. Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов власти субъектов Российской Федерации: Федеральный закон от 06.10.1999 № 184 // Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 42.

28. Об организации временной системы органов исполнительной власти в Чеченской Республике: Указ Президента РФ от 8.06.2000 № 1071 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2000. № 24.
29. Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации: Федеральный закон от 12.06.2002 № 67. URL: [http:// www.gd2003.cikrf.iu](http://www.gd2003.cikrf.iu)
30. Османов Г. Нужно ли учитывать национальный фактор при формировании парламента Дагестана? // Дагестанская правда. 2007. 7 февр.
31. Официальный сайт Государственного Совета — Хасэ Республики Адыгея. URL: <http:// www.gschra.ru>
32. Официальный сайт Народного Собрания Республики Дагестан URL: <http:// www.nsr.d.ru>
33. Речкалов В. «Этого налима не зацепишь!» // Известия. 2003. 25 марта.
34. Саидов А. Российский медведь в чеченских горах // Голос Чеченской Республики (Грозный). 2005. Декабрь (№ 22).
35. Саква Р. Российский федерализм на перепутье // Сравнительное конституционное обозрение. 2005. № 1.
36. Столяров М. В. Россия в пути: Новая федерация и Западная Европа. Сравнительное исследование по проблемам федерализма и регионализма в Российской Федерации и странах Западной Европы. Казань: Фэн, 1998.
37. Федеральная реформа 2000-2003 Т. 1: Федеральные округа/ред. Н. В. Петров. М.: Моск. обществ. науч. фонд, 2003.
38. Филиппов В. Р. Критика этнического федерализма. М.: Центр цивилизационных и региональных исследований РАН, 2003.
39. Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М.: Прогресс — Традиция, 2004.
40. Kahn J. Federalism, democratization, and the rule of law in Russia. Oxford: Oxford Univeisity Press, 2002.
41. Regional politics in Russia/ed. by C. Ross. Manchester: Manchester Univeisity Press, 2002.
42. Russian politics under Putin/ed. by C. Ross. Manchester: Manchester University Press, 2004.
43. Soderlund P. The dynamics of federalism in Russia. The study of formal and informal resources of the regional Chief Executives in Russian Center-Region relations. Abo: Abo Academy University Press, 2006.
44. The Oxford handbook of Political Institutions/ed. by R.A. W. Rhodes, S.A. Binder, B. A. Rockman. Oxford, 2006.